

УДК 130.2

DOI: 10.18413/2075-4566-2018-43-2-384-387

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КОДИРОВАНИЯ
И ХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В ЭПОХУ КРИЗИСА
ЛОКАЛЬНЫХ КУЛЬТУР**

**INFORMATION TECHNOLOGIES OF ENCODING AND STORAGE OF CULTURAL
MEMORY IN THE EPOCH OF THE CRISIS OF LOCAL CULTURES**

К.И. Черкесова

K.I. Cherkesova

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Королёва, 7

Belgorod State Institute of Arts and Culture,
7 Koroleva St., Belgorod, 308024, Russia

E-mail: fin@bgiik.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема сохранения локальных культур в эпоху развития информационных технологий. Обосновывается тенденция противоречивого процесса унификации знакового кодирования знания – деятельности с одновременной его локализацией и специализацией, а также идея внекультурности кода, что выражается в актуальности машинной памяти в противовес памяти культуры и человека.

Abstract

The article considers the problem of preserving local cultures in the era of the development of information technologies. The tendency of the contradictory process of unification of the symbolic encoding of knowledge - activity with its simultaneous localization and specialization, as well as the idea of extracultural code, that is expressed in the relevance of computer memory as opposed to the memory of culture and man, is justified.

Ключевые слова: культура, миф, машина, память, код.

Key-words: culture, myth, machine, memory, code.

В «Пармениде» М. Хайдеггер пишет о начале, суть которого раскрывается в истории последней: «Начало есть то, что в сущностной истории приходит последним... Такое предваряющее и определяющее всю историю мы называем изначальным (das Anfängliche). Поскольку оно не остается в прошлом, а предлежит будущему, изначальное снова и снова дарует себя той или иной эпохе» [Хайдеггер, 2009, с.15]. Таким изначальным и вневременным для нас представляются культура, технологии и память. Сегодня они «собраны» в ситуации кризиса локальных культур, которые находятся под угрозой поглощения со стороны глобальной культуры и забвения. Потеря памяти как невозможность трансляции своего частного, локального кода тесно связана с феноменом технологии и техники, но, возможно, в ней есть и спасение.

Такая расстановка является началом, суть которого приходит последней и в смысле давней мифологической истории Прометея и Эпиметея. Противоположности двух братьев как «думающего до» и «думающего после», предвидящего и забывающего, описывают современную проблему наследования и сохранения локальных культур в нескольких ре-

гистрах. Прежде всего, как проблему наследования культуры, трансляции кода в терминах М.К. Петрова. Забывание как феномен выступает как утрата кода, невозможность раскодировать сообщение и извлечь смысл. В том числе, и это следующий регистр проблемы, по причине человекоразмерности, невозможности вместить массив информации в отдельную человеческую голову и руки. И техника, дар Прометея, компенсирует этот недостаток, одновременно ставя проблему забывания на новый уровень, как отсутствие необходимости запоминать при возможности записать и сохранить техническими средствами. И, наконец, избирательные дары Эпиметея животным и унифицирующий дар Прометея людям – это еще один регистр нашей проблемы, проблемы дифференциации кода и его унификации в современных средствах коммуникации. Сохранение локальных культур и хранение культурной памяти находится в пределах этого.

В работе «Язык, знак, культура» М.К. Петров пишет о знаке как основной единице, в которой происходит «сворачивание» знания и передача от поколения к поколению. Знак, имея вневременную природу, позволяет осуществлять наследование независимо от длительности, а его отчужденный от конечного индивида характер – избежать субъективной привязанности. Выстраивается линия наследования, которая начинается знанием и заканчивается деятельностью. Знание «сворачивается» в знаковую форму и отчуждается от индивида и после передачи «разворачивается» и воплощается в деятельности индивида. При этом «разворачивание» знака в знание ограничено возможностями конкретного человека: «Индивид конечен не только как существо смертное и проходящее неравноценные в терминах социальной пользы периоды жизни, но и как существо, имеющее физические и ментальные ограничения. В процессе обучения-воспитания индивиду нельзя дать больше субъективности, чем он способен взять и пронести по жизни, развертывая субъективность в деятельность» [Петров, 1991, с.31]. И далее М.К. Петров пишет о том, что объем наличного знания всегда превышает возможности вместимости индивида и потому знание фрагментируется до тех пределов, которые доступны для человека.

Собственно, эта вместимость живого человека, его возможность развернуть определенный объем знания в деятельность, усвоить его, и определяется как человекоразмерность. Вопрос, как нам кажется, заключается в том, насколько проблематичной может быть вместимость человека при значительном росте знания. Если пределы человекоразмерности определяются способностью воспроизводства знания в деятельности, то можно предположить, что рост знания, насколько бы интенсивным он ни был, будет сопряжен с фрагментацией посильной для конкретного человека. Этим объясняется рост новых профессий, которые сосуществуют с уже привычными. Они возникают в новых пространствах, возникающих с новым знанием и новой деятельностью. Очевидно также, что рост знания и его производства обуславливает не только появление новых видов деятельности и все большую фрагментацию деятельности как таковой, но также кризис, или, как минимум, неустойчивость всей структуры деятельности. Гай Стэндинг, анализируя феномен прекариата, отмечает, что современная ситуация на рынке труда характеризуется демонстрацией профессий. Это выражается в том, что устойчивость профессиональной стороны жизни человека ушла в прошлое. Под этим стоит понимать и устранение саморегуляции профессиональной деятельности, расширение государственного лицензирования, усилением международной конкуренции на рынках труда, но также рост краткосрочной занятости [Стэндинг, 2014, с.74-77]. Профессия сегодня это уже не деятельность на всю жизнь. В этих процессах есть развитие логики самого капитализма, но также и логики развития культуры, как знаковой системы, воспроизводящей и преумножающей знание.

Человек в такой ситуации осваивает новое знание, «разворачивает» его в деятельность, но также и «забывает» старое знание, уже не являющееся необходимым для его профессиональной деятельности. И следующий вопрос, который необходимо задать, состоит в том, что происходит с культурой в целом при таких трансформациях. Ведь по М.К. Петрову: «Именно фрагментация и интеграция знания определяют структурные кон-

туры культурного типа, возможные для данного типа способы познания мира и изменения суммы обстоятельств» [Петров, 1991, с. 31]. Мы можем предположить, что рост знания и легкость обучения и забывания, вкупе со сменой деятельности, говорят о том, что сегодня разворачивается внутренне противоречивый процесс унификации знакового кодирования знания – деятельности с одновременной его локализацией и специализацией.

Невозможность сохранения локальной культуры

Такой внутренне сложный процесс есть единство двух разнонаправленных течений, одно из которых заключается в унификации знакового кодирования знания. И речь не только о попытках создания универсального языка или универсальности языка английского. Все они достаточно далеки от реальной унификации. Компьютерный код, возникающий как различие между нулем и единицей, становится таким предельно унифицирующим кодом. Причем важным для понимания сути кода, как пишет М. Куртов, является не само число, а различие между ними: «Чтобы определить сущность кода, необходимо устранить его смешение с математическими сущностями. Исторически математика и информатика были связаны, но постепенно расходились. В культуре, между тем, продолжает жить их спутанный образ... На деле, основой функционирования ЭВМ является не число и не цифра, а чистое различие между 1 и 0, между бытием и ничто, между тварностью и нетварностью (миром, который сотворен, и тем, что было до сотворения мира), выражаемое в машине при помощи электрического разряда и его отсутствия (точнее, различных уровней напряжения в электрической сети)» [Куртов, 2014, с.23]. И это минимальное содержание смысла, закодированное в паре цифр, есть аналог декартова утверждения, но только вне человеческой головы, без привязки к существованию совершенно конкретного, живого человека. Здесь снимается одна из фундаментальных философских проблем противостояния мира и человека, различия между субъективным и объективным. Возможно, в этом ключе стоит трактовать ответ М. Хайдеггера журналу Шпигель на вопрос, что сегодня занимает место философии. Его ответ – кибернетика (журнал «Шпигель» 1966). Но также устранение человека из схемы передачи знания, устранение как хранителя, снимает ограничения человекообразности. Машинный разум, по аналогии с разумом человеческим (мы еще не можем обойтись без подобных аналогий и это тоже предмет для философского интереса) способен хранить знание в неограниченном объеме и сроке (конечно, с той оговоркой, что будут соблюдены определенные технические условия), но также без привязки к определенной культуре, локальной культуре. Чередование единиц и нулей, машинный код сам по себе вне культурен – в отличии от человека. Возможно, в этом также одна из причин кризиса локальных культур сегодня.

Отличие компьютера (машинной памяти) от книги состоит не только в объеме возможного хранения знания. Ограниченность последней кроется также в языке. Он всегда культурно обусловлен. Язык возникает и принадлежит определенной культуре. Ю.М. Лотман очень точно определил это различие: «Код не подразумевает истории, т. е. психологически он ориентирует нас на искусственный язык, который и предполагается идеальной моделью языка вообще. Язык же бессознательно вызывает у нас представление об исторической протяженности существования. Язык – это код плюс его история. Такое понимание коммуникации таит в себе фундаментальные выводы. Передача информации внутри “структуры без памяти” действительно гарантирует высокую степень идентичности. Если мы представим себе передающего и принимающего с одинаковыми кодами и полностью лишенными памяти, то понимание между ними будет идеальным, но ценность передаваемой информации минимальной, а сама информация строго ограниченной» [Лотман, 1992, с.13]. И если с последним, с ограниченностью информации, можно не согласиться, то отсутствие памяти и вне культурность машинного кода есть факт, который сложно оспорить. И в этом еще одна из причин кризиса локальных культур. Все больший объем знания выводится из сферы непосредственной памяти человека и перепоручается машинной.

Обратная тенденция специализации также есть следствие естественного умножения объема знания. Но в большей мере это относится к знанию научному и знанию, которое М.К. Петров называл рецептурным, то есть связанным с непосредственной производящей деятельностью [Римский, 2017, с. 377–389]. Отсутствие памяти у машинного кода делает проблематичным трансляцию локальных культур, но не их сохранение (скорее, даже хранение, которое может и не предполагать воспроизведение). Культуры застывают в коде, не воплощаясь в непосредственную деятельность человека, но сохраняясь как знание, все более становящееся знанием без адресата.

Когда не помнишь, на помощь приходит миф

Эффективность сохранения и трансляции знания машиной своей обратной стороной имеет неэффективность сохранения культур. Эпиметей и Прометей соединяются в одного субъекта в машине, хранящей информацию. Хранение и забвение в одном лице Эпиметея–Прометея отсылает также к мифологизации техники [Борисов, 2016]. Машинные хранилища информации, всегда актуальные и доступные, практически не имеющие ограничения, подобны мифу, также вмещающему в себя все наличное знание. Технологии общего доступа еще более приближают это сравнение к реальности. Сегодня, как и в архаическую эпоху, память все более становится коллективной – облачной, используя современную терминологию.

Даже внешняя сторона «общения» человека с машиной, графический интерфейс, приносит в указанное сравнение еще один довод. Сегодняшний интерфейс, совокупность устройств ввода информации и ее получения ориентированы на интуитивное понимание, апеллирующее к образам. Образность мифа и машинного интерфейса сближают их.

Список литературы References

1. Борисов С.Н., Осыка Я.М. Сакральное в современной культуре: подходы к определению и границы понимания // Культурная жизнь Юга России вып. 2. (61). 2016. С.65-74.
Borisov S.N., Osyka YA.M. Sakral'noe v sovremennoj kul'ture: podhody k opredeleniyu i granicy ponimaniya // Kul'turnaya zhizn' YUga Rossii vyp. 2. (61). 2016. P.65-74. (in Russian)
2. Куртов М. Генезис графического пользовательского интерфейса. К теологии кода. СПб., 2014.
Kurtov M. Genezis graficheskogo pol'zovatel'skogo interfejsa. K teologii koda. SPb., 2014. (in Russian)
3. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992.
Lotman YU.M. Kul'tura i vzryv. M., 1992.
4. Петров М.К. Язык, знак, культура. М., 1991. (in Russian)
Petrov M.K. Yazyk, znak, kul'tura. M., 1991.
5. Римский В.П. Интеллектуал и человеческий капитал в духовном производстве неоиндустриализма/ Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова: интеллектуал в интерьере культурного капитала. М., 2017.
Rimskij V.P. Intellektual i chelovecheskij kapital v duhovnom proizvodstve neoindustrializma/ Uchrezhdayushchaya diskursivnost' Mihaila Petrova: intellektual v inter'ere kul'turnogo kapitala. M., 2017. (in Russian)
6. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.
Stehnding G. Prekariat: novyj opasnyj klass. M., 2014. (in Russian)
7. Хайдеггер М. Парменид. СПб., 2009.
Hajdegger M. Parmenid. SPb., 2009. (in Russian)